
ОБ АНТИНОМИЯХ И СИНКРЕТИЗМЕ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (на примере концепта «радость»)

Л.И. Захарова

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации
Иркутский государственный технический университет
ул. Лермонтова, 83, Иркутск, Россия, 664074

В статье предпринята попытка осмыслить феномен синкретизма русского языкового сознания. Рассматривается содержание концепта «радость» в художественной литературе и в живой речи (по материалам психолингвистического эксперимента).

Ключевые слова: антиномия, синкретизм, концепт «радость», понятийные признаки, семантическая классификация, психолингвистический эксперимент.

В нашем национальном сознании есть идеи, уже ставшие стереотипами. К ним относится миф о «загадочности», «крайностях» и «широте» русской души. Также принято считать, что русское языковое сознание *антиномично*. М.Ю. Лотман и Б.А. Успенский отмечали, что этот дуализм коренится в конечном счете в некоторых особенностях православия, определивших черты национальной культуры в целом [1. С. 219—253]. Философы Н. Бердяев, П. Флоренский, В. Соловьёв подчеркивали, что все существенные для русского сознания противоположности («Запад — Восток», «нация — народ», «речь — язык» и др.) обусловлены коренной антиномией «язычество — христианство».

Эта идея антиномичности, как отмечают многие лингвисты (А.Б. Пеньковский, Н.И. Толстой, Н.Д. Шмелёв, А.А. Зализняк и др.), проявляется и в содержании концептов «добро» и «благо», «истина» и «правда», «душа» и «тело», «дух» и «плоть», «бытие» и «быт» и др. Как яркий пример ценностной поляризации сюда же относят пару «радость-удовольствие», противопоставленную по признаку «высокий-низкий». Как пишет А.Б. Пеньковский, *радость* — это чувство, оно относится к «высокому», духовному миру, а *удовольствие* — всего лишь «положительная чувственно-физиологическая реакция», следовательно, относится к «низкому», телесному. Поэтому можно сказать *душа радуется, душевно рад*, но не *душевно доволен, плотские удовольствия*, но не *плотские радости* [2. С. 150—151]. Так нормативно закрепляется жесткая антиномичность родственных понятий.

Но приведенные примеры кажутся не совсем убедительными и бесспорными. Разве не переживаем мы *эстетическое удовольствие*? А *интеллектуальное удовольствие*, которое может доставить остроумная шутка или интересная беседа? Кроме того, как нам кажется, эти слова невозможно вписать в бинарные рамки оппозиции, так как они находятся в родо-видовых отношениях: *радость* — родовое понятие, а *удовольствие*, наряду с такими словами, как *наслаждение, веселье* и др., — видовое.

Обратимся к классикам литературы. Л.Н. Толстой писал: «Где **радость**, там и жизнь». А.П. Чехов замечал: «Чем выше человек по умственному и нравствен-

ному развитию, тем он свободнее, тем большее **удовольствие** доставляет ему жизнь». М. Горький утверждал: «Лучшее **наслаждение**, самая высокая **радость** жизни — чувствовать себя нужным и близким людям» (здесь и далее выделено нами — Л.З.). Приведенные примеры демонстрируют полное отсутствие оппозиции «высокой» радости «низкому» удовольствию.

Русская поэзия и проза полны примерами парадоксальной сочетаемости разнородного. Так, у М. Цветаевой *радость* может быть *убогой*: «Как наши **радости** **убоги** // Душе, что мукой зажжена». Сравним характерный пример из И. Бунина, где *удовольствие*, напротив, *величайшее*: «*Вот так штука!*» — *еще изумленнее подумал наш герой, еще раз тупо взглянул на Иду — и мгновенно понял по взгляду, которым она скользнула по студенту, что, конечно, она царица, а он раб, но раб, однако, не простой, а несущий свое рабство с величайшим удовольствием и даже гордостью* (И. Бунин «Ида»).

Радость и *удовольствие* — понятия, выражающие насущные жизненные потребности. Заметим, что в словарных определениях одно понятие толкуется через другое: «радость» — чувство внутреннего удовлетворения, удовольствия; «удовольствие» — чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей [3; 4]. Их непротивопоставление свидетельствует, что не существует абсолютной границы между телесным и духовным, интеллектуальным и эмоциональным, эстетическим и материальным. Другими словами, «духовное» не отгорожено от «плотского» китайской стеной — одно переживается через другое.

А если это так, то есть смысл внести коррективы в представление о жесткой антиномичности русского языкового сознания и обратить внимание на свойственный ему синкретизм. Синкретизм (от греч. *synkrētismos* соединение, объединение) — это форма, обозначающая единство, взаимопроникновение антиномий, которые могут проявляться одновременно.

Наша гипотеза такова: антиномичность русского языкового сознания носит синкретический характер, т.е. крайности мироощущения могут проявляться одновременно и воспринимаются как осознанно, так и неосознанно, что не отменяет их единства. Выбирая для доказательства гипотезы концепт «радость», мы исходим из того, что он является значимым для народного самосознания и показательным в плане синкретизма, так как наглядно демонстрирует сочетаемость эмоционального, интеллектуального, нравственного, эстетического, чувственного, религиозного аспектов в общем понятии.

Для подтверждения нашей гипотезы обратимся к литературным источникам, например, к лирике Н. Рубцова — яркому образцу поэтического раскрытия русского самосознания. В стихотворении «О чем писать?» декларированы жизненные предпосылки расцвета таланта: «Но если нет // **Ни радости, ни горя,** // Тогда не мни, // Что звонко запоешь...» Радость, равно как и горе, нужны поэту как необходимое условие становления и самореализации творческой личности.

Синкретизмом чувств отмечен драматизм человеческих отношений и самого существования: «**Я рад обняться с верными друзьями. // Повеселились** несколько часов, // **Повеселились с грустными глазами...**» («А между прочим, осень на дворе...»). Осень — в природе и в жизни — благодатное время для чувства и мысли:

«Я рад тому, что мы кочуем, // Я рад садам монастыря // И мимолетным поцелуям // Прохладных листьев сентября...» («По дороге к морю»). Состояние *рад* — это как бы посредник между субъектом, испытывающим это состояние, и теми материальными или ментальными объектами, на которые это состояние распространяется: *кочевье, сады монастыря, поцелуи листьев, объятия с друзьями*. Но радостное состояние веселья может быть органично сопряжено с противоречивым чувством грусти: «**повеселились с грустными глазами**».

Для Рубцова синкретизм, казалось бы, разнородного — отнюдь не открытие: «Молчал, задумавшись, и я, // Привычным взглядом созерцая // **Зловещий праздник** бытия, // Смятенный вид родного края» («Во время грозы»). Парадоксальный своей двойственностью (вернее, оксюморонностью) образ грозы — «зловещий праздник» — тоже яркий пример многосложности мировосприятия поэта.

Для М. Цветаевой противоречивость чувства — условие полноты его переживания. Так, тоска, боль либо одномоментны с радостью, либо связаны с ней причинно-следственно: «Поверь мне: я **смехом от боли лечусь**, // Но в смехе не радостно мне!» Или: «Тайная **радость моей тоски**...» («Раковина»).

Синкретизм чувств А. Ахматовой не так ярок, но не менее глубок: «И как могла я ей простить // Восторг твоей хвалы влюбленной... // Смотри, ей **весело грустить** // Такой нарядно обнаженной» («Царскосельская статуя»). В стихотворении, посвященном А. Блоку, тоже присутствует идея радости, рожденной парадоксальным совмещением духовного и телесного существования: «Как белый камень в глубине колодца, // Лежит во мне одно воспоминанье. // Я не могу и не хочу бороться: // **Оно — веселье и оно — страданье**».

У В. Распутина итоговый жизненный опыт, состояние человека накануне ухода отмечены синкретизмом переживаний. Подведение итогов жизненного пути и осознание их под знаком радости так представлено в повести «Последний срок»:

«Своя жизнь — своя краса. Случались и у нее светлые, **дорогие радости**, каких ни у кого не бывало, и случались **дорогие печали**, которые чем дальше, тем становились дороже, роднее и без которых она давно бы уже растеряла себя в суете и мельтешенье... Справлять свою жизнь для нее было то радостью, то мучением — **мучительной радостью**, она не знала, где они сходились и где расходились и что из них для нее было полезней, она принимала их для себя же, для своего продолжения, для того, чтобы озариться их потайным огнем.

Старуха Анна совершенно отчетливо, осознанно — до оксюморонной формулы «**мучительная радость**» — переживает экзистенциальное чувство, которое можно определить как духовно-нравственное, поскольку оно включает в себе и свободу самосознания, и благодарное приятие всех испытаний, и ответственность перед жизнью.

В художественном мире В. Шукшина человек, движимый к Правде, равно ждет Праздника — состояния гармонии, не только духовного, но и чувственного слияния с окружающей реальностью. Герой рассказа «Алёша Бесконвойный» (1972) — деревенский «чудик», он никогда не выходил на работу в субботу. В этот день он топил баню и «парился, как ненормальный, как паровоз, по пять

часов парился!», испытывая не физиологическое, а необыкновенно одухотворенное чувство:

«В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня суббота. И сразу у него **распускалась в душе тихая радость**». Чувства обостряются, появляется способность проникнуть в суть вещей: «Белизна и сочность, чистота сокровенная поленьев, и дух от них — свежий, нутряной, чуть стылый, лесовой... Еще потом будет момент — разжигать, тоже **милое дело**». Запах березовых поленьев — предвестье скорого **праздника**: «Сердце Алёши нет-нет да и **подмывает радость** — подумает: Сча-ас».

Итак, опыт чтения русской литературы свидетельствует, что в традициях русской ментальности заложено стремление к синкретизму, т.е. неразложимости духовного и чувственного. Фиксируя единство переживаний души и тела, концепт «радость» фокусирует в себе весь спектр чувств — от духовных до телесных.

Особую роль в языковом сознании играют концепты, или ключевые слова, через которые «культура входит в ментальный мир человека» [5. С. 40]. Для подтверждения нашей гипотезы об универсальности и синкретизме слова-концепта «радость» необходимо исследование сознательной рефлексии на тему «радость» у современных носителей языка.

Чтобы выявить спектр конкретных ассоциаций, формирующих содержание концепта «радость» как ментальной единицы, мы провели психолингвистический эксперимент. Основной состав опрашиваемых — студенты и аспиранты (от 17 до 35 лет) и люди среднего возраста (от 35 до 55 лет). Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования. Опросный лист включал 15 заданий (здесь приводятся первые пять).

Мы не предлагали респондентам никаких отрицательных коннотаций, связанных с радостью (злорадство, удовлетворение от успехов кого-либо, удавшаяся месть и др.). Среди собственных формулировок, предложенных ими, также не нашлось ни одной подобной. Поскольку анкета была анонимной, можно предположить, что негативные проявления радости не являются актуальными для респондентов. Напротив, их творческий подход был нацелен на конкретизацию пережитых ситуаций, что свидетельствует о добросовестном участии в эксперименте и актуальности концепта «радость» в сознании носителей языка.

В начале анкеты испытуемым предлагалась инструкция, целью которой было «натолкнуть» участника эксперимента на узнавание слова, предоставить ему возможность сопоставить дефиниции различных словарных статей и сделать необходимые выводы. Текст анкеты выглядел так:

«Мы **рады**, что Вы согласились участвовать в психолингвистическом эксперименте. Суть его — выяснение особенностей русского отношения к жизни. С Вашей помощью мы хотим уточнить, что есть **радость** для русского человека, что он воспринимает как **радость**. Предлагаем Вам ряд вопросов и будем благодарны, если Вы на них ответите. Пусть Вас не смущает, что некоторые вопросы как будто повторяют друг друга. Это условие эксперимента.

РАДОСТЬ, согласно 4-томному словарю русского языка, — «чувство удовольствия, удовлетворения» — *пьянящая радость, светлая радость*; «то, что доставляет радость» — *Была у меня радость: любил меня хороший человек*.

В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «радость» определяется следующим образом: 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения: *Испытывать радость*. 2. То, что вызывает такое чувство: *Радости жизни*. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство: *В семье радость: приехал сын*.

Словарь синонимов русского языка считает, что слово **РАДОСТЬ** тождественно по смыслу словам **восторг**, **восхищение**. Он определяет **РАДОСТЬ** как чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения, а **восторг** и **восхищение** как высшую степень удовлетворения, удовольствия».

После прочтения инструкции участникам эксперимента предлагалось ответить на следующие вопросы.

1. Что вызывает у Вас *радость* (просим назвать не менее пяти причин, поводов, ситуаций)?

2. Какие из этих слов ассоциируются с понятием «радость»? Подчеркните их, пожалуйста:

удовлетворение, мудрость, эйфория, восторг, удовольствие, веселье, восхищение, праздник, ликование, просвет, торжество, деньги, услада, утеха, победа, свобода, встреча, верность, достижение цели, подарок, очищение, познание, признание, озарение, пища, красота, творчество, любовь, покой, благодать, утешение, удача, добро, вера, надежда, счастье.

3. Какие из приведенных ниже слов **не** ассоциируются с понятием «радость»? Отметьте их:

нежность, удовольствие, очищение, верность, дотошность, снисходительность, гордость, честность, сытость, пунктуальность, подлость, весна, природа, творчество, мудрость, признание, популярность, путешествие, деньги, любовь, добро, благодать, надежда, утешение, вера, власть, справедливость.

4. В каких ситуациях **можно** испытать **радость**? (просим назвать не менее пяти причин, поводов, ситуаций).

5. В каких ситуациях Вы испытали **радость** (просим привести не менее пяти причин, поводов, ситуаций)?

Целью нашего исследования было следующее:

— выявить у испытуемых, что именно их радует: причины, поводы, обстоятельства;

— активизировать в сознании респондентов ассоциативное поле стимула *радость*;

— проверить, насколько предлагаемые вниманию испытуемых слова-ассоциаты стимула *радость* актуальны в их языковом сознании;

— выявить потенциальные ситуации, в которых мыслится переживание данной эмоции;

— зафиксировать реальные ситуации переживания радости, т.е. личный опыт каждого участника эксперимента.

Проведенное исследование позволило получить богатую информацию о восприятии и интерпретации концепта «радость» носителями русского языка и менталитета. Ответы респондентов — это своеобразные рефлексивы, отражение уровня самосознания представителей разных поколений. Полученные результаты, как полагаем, представляют научный интерес, поскольку «языковая рефлексия как

часть культурного самосознания становится компонентом национального самосознания» [6. С. 27].

В результате обработки фактического материала было выделено девять понятийных признаков, составляющих семантический объем концепта «радость» (в скобках отмечены ответы респондентов в их собственных формулировках; даны в порядке их приоритетности):

1) радость как приятие мира (когда любишь, отдых, дом, счастье, благополучие в семье, хорошая погода, лето, дети, мир на земле, все хорошо, животные и др.);

2) духовно-религиозное переживание (вера в Бога, праздник Пасхи, после исповеди, причащение, посещение храма, благотворительность и др.);

3) духовно-нравственное переживание (счастливые лица родных, делать добро, торжество справедливости, поддержка друзей и близких и др.);

4) духовно-коммуникативное переживание (общение с родными, друзьями, детьми, животными, приятные встречи, знакомства, хорошие новости, взаимопонимание, юмор, улыбки людей, комплименты и др.);

5) эстетическое переживание (созерцание красоты природы — восход солнца, цветет черемуха и др., чтение, музыка, кино, театр и др.);

6) чувственное переживание (рождение ребенка, праздники, развлечения, любимый человек рядом, удовольствие, удача, счастье, здоровье, секс и др.);

7) «материальное» переживание (хорошая должность, успешная работа, материальные блага, финансовый успех, получение подарков, удачная сделка, достаток и др.);

8) профессиональная/творческая деятельность (победы, достижения, творчески выполненное задание, карьерный рост, любимое занятие, решение проблемы и др.);

9) познавательная деятельность (поступление в вуз, сознание своей нужности, путешествия, познание нового и др.).

Выявленные понятийные признаки распределились по трем следующим параметрам:

1) общее эмоциональное состояние (1-й признак); 2) конкретные переживания (2-й — 7-й признаки); 3) деятельность (8-й и 9-й признаки).

Итак, опыт исследования рефлексии непосредственных носителей языка подтвердил универсальность понятия «радость» и его актуальность для самосознания рядовых носителей русской культуры. В этом их менталитет не расходится с менталитетом творческих личностей. Синкретизм поэтических чувств и сознания отличается только большей утонченностью и осознанной противоречивостью целого. Но семантический объем концепта, раскрывшийся в высказываниях анкетированных, свидетельствует о синкретизме самого понятия и высоком потенциале антиномичного единства его составляющих. Таким образом, слово-концепт «радость» может служить наглядным и ярким образцом подтверждения нашей концепции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лотман М.Ю., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. — М., 1994.
- [2] Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991.
- [3] Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1990.
- [4] Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 12-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1978.
- [5] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. — М., 1997.
- [6] Венрева И.Т. Рефлективы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. — М., 2000.

ANTINOMIES AND SYNCRETISM OF RUSSIAN LINGUISTIC MENTALITY (by example of concept «joy»)

L.I. Zakharova

Department of Russian language and Cross-Cultural Communication
Irkutsk State Technical University
Lermontova str., 83, Irkutsk, Russia, 664074

The attempt of the article is to recognize the phenomenon of syncretism of Russian linguistic mentality. The article examines the content *joy* concept both in imaginative literature and everyday speech (based on the materials of psycho-linguistic experiment).

Key words: antinomy, syncretism, concept *joy*, conceptual characters, semantic classification, psycho-linguistic experiment.